

Диалектные тексты как источник информации о карпатоукраинских клитиках

В настоящей работе рассматривается отражение диалектных систем фразовых клитик¹ в современных публикациях диалектных текстов из карпатоукраинских (галицких) говоров².

0. Современные фразовые клитики в этих говорах – наследие праславянской системы энклитик, подчинявшихся действию закона Вакернагеля, согласно которому все клитики, относящиеся к сказуемому, стремятся занять место в первой тактовой группе фразы. Галицкие говоры – единственные из восточнославянских, сохраняющие эту древнюю черту; на остальной восточнославянской территории “вакернагелевская” система фразовых клитик утрачена. Наличие системы клитик связывает карпатоукраинские говоры с южно- и западнославянскими языками (см. [7]).

Основные разряды фразовых клитик в современных славянских языках, сохраняющих клитики, – это: 1) фразовые частицы (например, *že, li*); 2) бывшие формы аориста от *byti в составе сослагательного наклонения; 3) связки – формы настоящего времени глагола *byti в составе перфекта и именно сказуемого; 4) краткие формы косвенных падежей личных местоимений; 5) *sę в составе возвратных глаголов. В отдельных славянских языках развивались также другие глагольные клитики (например, в сербском краткие формы от *xъtĕti, служащие для образования будущего времени); по некоторым данным, новые глагольные клитики развивались и в отдельных карпатоукраинских диалектах (возможно, таковы краткие формы от *imĕti в конструкциях будущего времени в некоторых гуцульских диалектах [12, 197]; ср. также поведение вспо-

¹ Термин *клитики* (а не *энклитики*) употребляется здесь потому, что в отдельных системах соответствующие элементы могут служить в качестве проклитик в начале фразы (см. п. 5.4).

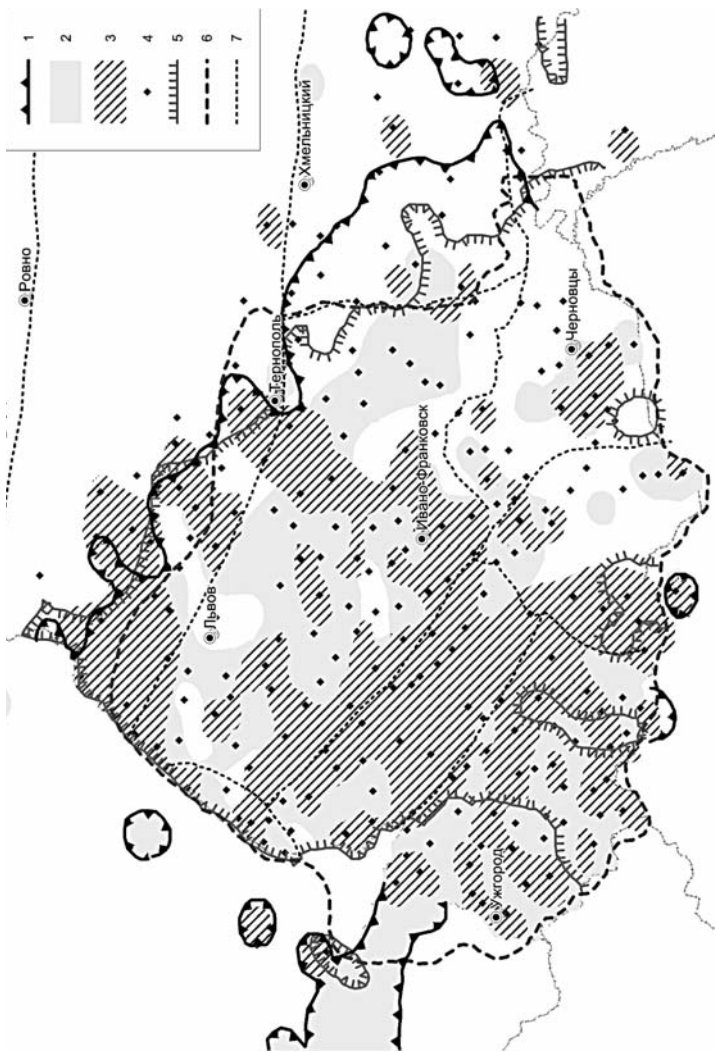
² См. определение этой группы говоров у С.Л. Николаева: “К галицкой (карпатоукраинской) группе украинских диалектов относятся лемковские, закарпатские, западные и восточные галицкие (на север до Малого Полесья), надсанские, тернопольские, покутские, гуцульские, западнобуквинские говоры” [4, 125].

могательного глагола плюсквамперфекта в центральнозакарпатском говоре [9]). Следуя закону Вакернагеля, клитики объединяются в блок, причем порядок клитик в блоке для каждой системы, как правило, жестко определен.

А.А. Зализняк, исследуя древнерусские энклитики, показал, что в живом древнерусском языке закон Вакернагеля действовал “вполне активно и последовательно”, а раннедревнерусскую систему следует считать “наиболее прямым отражением общеславянского состояния” [3, 263, 270]. На основной восточнославянской территории в той или иной форме сохранились клитики первых двух разрядов, т. е. фразовые частицы и превратившиеся в частицу *бы*, а остальные были постепенно утрачены. А.А. Зализняк показал направления и механизмы этой утраты в истории русского языка, приведшие к тому, что конструкции с краткими местоимениями и связками постепенно заменились на соответствующие полноударные варианты, а форма **se* в составе возвратных глаголов превратилась в глагольный постфикс.

1.1. Фразовые клитики – морфосинтаксическое явление, и поэтому с помощью прямого опроса о них может быть получена лишь самая общая информация о наличии той или иной формы в конкретном говоре. Такая информация отражена во 2-м томе *Атласа украинского языка* [АУМ 2, к. 207, 245, 248]; по ней можно составить представление о современной области сохранения фразовых клитик. На картах показаны диалектные различия в тех разрядах клитик, процесс исчезновения которых привел к разрушению их системы в истории русского языка. По данным атласа выделяется ареал распространения “отделяемого **se*”, приблизительно соответствующий территории галицких карпатоукраинских говоров. Внутри этого ареала располагаются несплошные субареалы сохранения кратких форм личных местоимений (большой ареал) и связок перфекта (меньший ареал). Из этого можно заключить, что утрата связок перфекта в галицких говорах распространена шире, чем утрата кратких форм личных местоимений; устойчивее всего сохраняется “отделяемое **se*”.

Современная граница “отделяемого **se*” объединяется с пучком изоглосс, выделяющих, по данным С.Л. Николаева, галицкую (карпатоукраинскую) группу украинских диалектов (см. карту).

Картапоукраїнські енклітики (по АУМ): 1 – границя “отделяемого *se” [АУМ 2, к. 248]; 2 – распространение кратких форм местоимений дат. п. *ли, ти* [АУМ 2, к. 207]; 3 – распространение связки 1 ед. перфекта [АУМ 2, к. 245]; 4 – распространение связки 1 мн. перфекта [там же]; 5 – *medь > *tobь (вне изоглоссы *medь > *medь) [4, 135]; 6 – устойчивая окситонеза а. п. *d* [там же]; 7 – границы диалектов [АУМ 2, к. IV].

1.2. Что стоит за данными *Атласа украинского языка* и какие системы клитик распространены на карпатоукраинской территории?

Системы клитик славянских языков различаются по многим параметрам. Это прежде всего:

- состав клитик;
- их ранговая организация, т.е. порядок в блоке;
- место во фразе – в частности, возможность их употребления как проклитик в начале фразы, а также после первообразных сочинительных союзов; наличие / отсутствие запрета на дистантную позицию по отношению к управляющему глаголу; обязательность / необязательность объединения их в блок; позиция их в отрицательных конструкциях и др.;
- отдельные морфосинтаксические явления, связанные с клитиками, например, удвоение клитик, обслуживание одной клитикой нескольких управляющих глаголов, употребление местоименных клитик с предлогами (см. [11, 102–126, 291–320; 12, 203–284; 7]).

Практически все эти параметры показывают диалектные различия на карпатоукраинской территории. Сопоставление на материале объемных диалектных текстов карпатоукраинских систем ужанских говоров на территории восточной Словакии, с одной стороны, центральнозакарпатского говора с. Синевир, с другой, и гуцульских говоров начала XX века, с третьей, показало, в частности, отличия в составе клитик, в их ранговой организации (место возвратного *se по отношению к кратким формам косвенных падежей личных местоимений), в возможности или невозможности употребления клитик в начале фразы и после первообразных сочинительных союзов (см. [7]).

1.3. Таким образом, для характеристики системы клитик конкретного языка или диалекта практически необходимо заполнить специальную анкету и установить значение каждого параметра. Однако такая анкета не может быть адекватно преобразована в вопросник для полевой работы. Если для литературных славянских языков можно уверенно говорить о допустимости той или иной конструкции с клитиками, то в диалектных системах дело, как правило, обстоит иначе. В южно- и западнославянских диалектах, очевидно, на собственную историческую систему говора накладывается и влияет система

литературного языка, поэтому для информанта допустимыми оказываются и диалектная, и литературная, и “смешанная” конструкции. Этой проблемы нет при изучении карпатоукраинских диалектов (поскольку в литературном украинском языке нет системы фразовых клитик), но и здесь влияние литературного языка (а также, вероятно, регионального койне) сказывается на частотности употребления клитик по сравнению с их полноударными вариантами (для возвратного *sę – с употреблением в качестве постфикса). Допустимость для информанта той или иной конструкции с клитикой еще не дает информации о частотности употребления этой конструкции, между тем именно этот признак показывает существенные диалектные различия³. Как статистические, так и системные выводы о клитиках в конкретном говоре можно сделать только на основании анализа диалектных текстов.

1.4. Статистика употребления карпатоукраинских клитик оказывается крайне важным параметром в связи с процессом утраты клитик на основной восточнославянской территории. А.А. Зализняк проследил ход этого процесса в истории русского языка именно путем статистического анализа употребления клитик в большом корпусе памятников, придя к выводу, что “в описанном развитии не было никакого взрыва или резкого перелома; просто полноударные варианты с ходом времени стали употребляться всё шире и чаще, а энклитические всё уже и реже, пока последние не сошли вообще на нет” ([3, 265], об утрате местоименных и глагольных клитик). Разные статистические показатели в разных диалектах, очевидно, могут говорить о степени распада в конкретном диалекте первоначальной системы энклитик. “Трудность здесь только в том, что необходимо обозреть весьма значительные объемы материала – постепенные медленные сдвиги такого рода можно уловить лишь средствами статистики, которая, как известно, становится надежным орудием только при обработке достаточно

³ Ср. наблюдение П.Е. Гриценко о различной частотности употребления соединительных союзов *i*, *ta*, *mai* в разных диалектных системах и сделанный им важный вывод о том, что “хотя показатели соотношения количества употреблений в тексте лишены абсолютной значимости, а оцениваются только как проявление определенных тенденций, все же они могут быть использованы как важный параметр (дифференциальный признак) при сопоставительном описании отдельных диалектов или континуума в целом” [2, 47].

большого материала” [3, 169]. Так, сопоставление частотности употребления препозитивного возвратного *se и глагольных и местоименных клитик в гуцульском говоре с. Головы начала XX века и в современном центральнокарпатском говоре с. Синевир обнаружило значительную разницу “в пользу” последней системы, где клитики употребляются более чем на 30% чаще (см. [8]). Эти выводы удалось сделать на основании анализа объемного корпуса текстов для каждой из систем: говор с. Синевир представлен расшифровками экспедиционных записей текстов 1990–2000-х годов общим объемом около 40 а.л.; гуцульский говор с. Головы известен из публикаций текстов начала XX в. (3,7 а.л.) [ШухГГ] и романа П. Шекерика-Доникова “Дідо Иванчик” (1930-е гг., 23,1 а.л.) [ШекДИ].

Помимо этих двух объемных источников, мы располагаем также рядом современных публикаций диалектных текстов. В меньшем, но всё же удовлетворительном объеме представлен материал говоров восточной Словакии в книге О. Лешки, Р. Шишковой и М. Мушинки “Розповіді з Підкарпаття” [РП]. То же можно сказать о публикациях текстов из украинских говоров Румынии в книге М. Павлюка и И. Робчука [УГР], хотя не для каждой диалектной системы здесь хватает материала для надежных выводов. Достаточно представлен текстовый материал говора с. Сокирница Хустского района, данный в приложении к словарю этого говора И. Сабадоша. Напротив, объем текстов в приложении к Словарю торуньского говора [Торунь, 216–227] не позволяет надежно охарактеризовать систему этого говора (см. п. 2.2.3). Наконец, сборники диалектных текстов юго-западных украинских говоров, вышедшие в последние годы [ГПЗН-2000; УЗГТ; ГПЗН-2005; БГ], дают значительный географический охват, но из-за обычно малого объема текстов из каждого отдельного говора позволяют сделать лишь самые общие выводы о диалектных системах клитик; особенно это касается хрестоматии [УЗГТ], включающей материалы из 162 населенных пунктов.

2.1. Между тем очевидно, что для адекватного представления о современных диалектных различиях и истории формирования диалектного ландшафта необходимы сведения об устройстве каждой отдельной диалектной системы. Помимо того, что такие сведения являются базовым материалом для анализа,

сравнения и обобщения, отдельные диалектные системы могут представлять значительные “точечные” отличия от окружающих. “В каждом диалекте при внимательном анализе текстов удастся установить факты, явления, характерные для исследуемых ЧДС и отличающие их от других говоров. Такие структурные особенности ЧДС требуют углубленного анализа и как структурные маркеры диалектов, и как элемент диалектного континуума с перспективой определения их географии, установления ареалов бытования и, возможно, времени появления в ареале” [2, 29]. Применительно к системам клитик в качестве примера можно привести системы говоров с. Данила Сучавской области Румынии и с. Ковбасов в восточной Словакии.

2.1.1. Говор с. Данила Сучавской области Румынии охарактеризован публикаторами как смешанный буковинско-гуцульский [УГР, 25]. Он входит в одну группу с говорами близко расположенных сел Марицея, Дарманешти и Мелешівці. Говор представлен текстами от одного информанта. Его систему отличает такая яркая индивидуальная черта (уникальная, насколько можно судить, для украинских говоров), как позиция возвратного *se между отрицанием и управляющим глаголом (примеров отрицательных конструкций с другими клитиками нет): *Пёрш'їй раз би сид'їла зо дв'ї-три нег'їли, бо жék н'ї с'ї росстóјит дóбре, она не^u ст'їй на јїц'їах* (463)⁴; *ч'їсникú н'ї с'ї клад'є ў к'їшк'ї, бо ск'їсáјут* (466); *та ј не^u с'ї псујé* (467, 2x); *К'їстка с'ї в'їб^uре та ј потóму о'нá сидїт, не^u с'ї збаўјује, фáјно с'ї збўжит* (467); *Потóму мїји стéл'у, в'їм'їтаї сáжу, би не^u с'ї јмї^eла сáж'а ў груб'ї* (468); *Так'ї си пóсте і áн'ї кр'їшку н'ї си јст* (473). Как видим, такие примеры совершенно регулярны. В говоре с. Марицея, представленном текстами от трех информантов, отмечен единичный пример у одного из них: *страшнá дўже^u дóбра шк'їра з н'єго і фáјна, нї си^e л'їні* (426; других примеров отрицательных конструкций с возвратными глаголами нет) на фоне примеров с обычным для карпатоукраинских говоров порядком у двух других информантов, например, *потóму помалén'ко стúл'уїмо докúпї^e, гаши дóк'їу си^e нї зрóбе^u бóдзїк* (428); *та ј ми, мóже, бúли си не записáли* (446); *то такé бúло, шо так'ї ми се си н'ї*

⁴ В круглых скобках при примерах приводится номер страницы указанного издания.

vi'e dum (447). В текстах из сел Дарманешти и Мелешівці примеры порядка *ne + *se + V также не отмечаются. Появление такого порядка в говоре информанта из с. Данила легко объясняется влиянием румынского языка, где он является нормой (см. [5]); однако следует отметить, что эта черта имеет и славянские параллели – в болгарско-македонской языковой области [11, 115–116; 12, 271]. К сожалению, имеющийся материал недостаточен (на 50 страниц текстов из говоров четырех сел приходится лишь около десятка примеров отрицательных конструкций с возвратным глаголом с препозицией *se) и позволяет лишь зафиксировать наличие этого локализма – неизвестно, является ли он индивидуальной чертой информанта из с. Данила (ср. положение в Марицее), насколько он распространен в говоре с. Марицея, возможны ли колебания в речи одного информанта, встречается ли он в речи носителей двух других близких говоров.

2.1.2. Говор с. Ковбасов в восточной Словакии представлен почти 100 страницами текста [РП, 93–189] от нескольких информантов. На фоне окружающих говоров и основного карпатоукраинского массива в нем отмечается морфосинтаксический локализм в перфектных конструкциях 1–2 лица. Карпатоукраинской нормой являются двучленные конструкции типа *дав-им* или *я дав, дали смо* или *ми дали* (причем частотность выбора той или иной конструкции и употребления клитик различна в разных говорах и является дифференцирующим признаком). Примеры трехчленных конструкций типа *ми смо дали*, как правило, единичны и несистемны. В Ковбасове же такие конструкции, судя по их относительной частоте, входят в норму, ср.: *no na 'kul'ko ja 'vid'iv-em | že 'bida* (94); *doky my z'me zara 'bl'ali* (95); *no a 'ja 'byv-em 'xlob molo 'dyj* (96); *ja 'tam-em zaro 'biv* (97, 2×); *ta my z'me sa zy 'šli v 'transpor 't'i* (102); *my z'me ot 'toho 'byli da 'leko* (106); *my z'me 'mali nedo 'statok pi 'n'azi* (119); *'joj my do 'br'i z'me ne podu 'rili* (131); *'ale napriklat jag 'ja byv-em u fran 'ciji* (141); *jag 'my z'me rozbe 'rali 'staru 'xyžu* (142); *ta 'vy s'te tu 'to vbu 'vali* (142) и др. – на фоне обычных двучленных конструкций: *proda 'li z'me ko 'rovu* (94); *no 'ale ta 'ja 'svoji d'iti tag vu 'čiv* (143); *a po 'tomu š'i-m 'byla 'xvora na nervo 'zitu* (127); *my 'd'iti jo 'ho š'i ne 'vid'ili* (131) и т. д. (у разных информантов). См. подробнее [10].

2.2. По материалам диалектных текстов те или иные различия в идиолектах информантов в рамках одного говора представляют собой обычное явление. В данном случае мы, как правило, не можем определить, присущи ли те или иные индивидуальные особенности речи идиолекту информанта в принципе (что может объясняться, например, возрастом, особенностями семейной и жизненной истории, уровнем образования, кругом общения, наконец, личными предпочтениями информанта и его представлениями о престижности) или причиной их появления стала особая коммуникативная ситуация (общение с собирателем – обычно “чужим”, “городским” и т. д., ср. [2, 32–33]; см. ниже п. 2.3). Случай различия идиолектов информантов в говоре с. Марицея в Румынии уже был упомянут выше (см. п. 1.5.1). Приведем еще несколько примеров различий идиолектов из области употребления клитик, а именно по показательному параметру препозиции возвратного *sȇ.

2.2.1. Материал бойковского говора с. Волосянка Сколевского р-на Львовской обл. опубликован в двух сборниках юго-западных диалектных текстов [ГПЗН-2000, 11–35; ГПЗН-2005, 113–144]; тексты этого говора (в общей сложности от 5 информантов) оказываются единственными в этих сборниках, по которым можно получить статистически надежные данные о препозиции *sȇ (о методике подсчета см. [8]):

1) 1914 г. р., жен., ? ⁵	66% (79/119) ⁶
2) 1941 г. р., жен., 7 кл.	69% (27/39)
3) 1954 г. р., жен., средн. обр.	11,5% (3/26)
4) 1925 г. р., жен., 4 кл.	75% (15/20)
5) 1936 г. р., жен., 7 кл.	67% (12/18)

Как видно из этих данных, у всех информанток, кроме третьей, коэффициент препозиции *sȇ колеблется в пределах от 66% до 75%. Очевидна ориентация более молодой информантки, чей текст показывает 11,5%, на литературную норму (чему способствует и ее среднее образование). Понятно, что при подсчете среднего коэффициента для говора Волосянки ее данные должны быть исключены, чтобы не затемнять общую

⁵ Сведения об образовании информантки разнятся в разных местах двух сборников: от неграмотности до 7 классов.

⁶ В скобках через косую черту приводится количество примеров препозиции *sȇ по отношению к общему числу релевантных примеров (с начальным управляющим глаголом); эти цифры важны для понимания степени статистической надежности подсчетов.

картину. Такие девиантные показатели имеют значение для изучения социолингвистической ситуации в говоре, но непоказательны для определения “ядра” нормы. Однако если бы эта запись была единственной, выводы о системе диалекта, сделанные на ее основе, оказались бы попросту ложными.

2.2.2. Сходную картину показывают диалектные тексты закарпатского говора с. Сокирница Хустского р-на, опубликованные в приложении к словарю этого говора [Сабадош, 430–476], где имеются записи разного объема от двенадцати информантов. Подсчет коэффициента препозиции *s_q дает следующие результаты (фольклорные тексты песен и коломыек исключены из подсчетов):

1) 1925 г. р., муж., 8 кл.	26% (7/27)
2) 1925 г. р., жен., 8 кл.	7/7
3) 1943 г. р., жен., 7 кл.	64% (34/53)
4) 1920 г. р., жен., неграм.	3/4
5) 1943 г. р., жен., 7 кл.	6/8
6) 1919 г. р., муж., 4 кл.	74% (66/89)
7) 1920 г. р., жен., 7 кл.	73% (40/55)
8) 1939 г. р., жен., 7 кл.	90% (17/19)
9) 1942 г. р., жен., 7 кл.	3/3
10) 1937 г. р., жен., 7 кл.	80% (16/20)
11) 1936 г. р., жен., 7 кл.	4/7
12) 1930 г. р., жен., 7 кл.	1/2

Мы видим, что в наиболее статистически надежных случаях этот показатель колеблется между 64% и 74%, и во всех случаях, кроме первого, он выше 50%. В этих условиях очевидно, что идиолект первого информанта, показывающий в несколько раз меньшую цифру (26%), обладает особенностями, отличающими его от говора в целом, и не должен приниматься во внимание при характеристике системы говора.

2.2.3. Диалектные тексты из с. Торунь Межгорского р-на Закарпатской обл., опубликованные в приложении к краткому словарю этого говора [Торунь, 217–229], записаны от двух информантов (1935 и 1914 г. р.). Статистика препозиции возвратного *s_q по отношению к управляющему глаголу у них кардинально различается: 19% (7/37) в первом случае и 100% (26/26) во втором. Ни то, ни другое значение нельзя признать отражающим систему говора: первое недопустимо низко на фоне второго и на фоне систем близких говоров, второе должно объясняться относительной краткостью текста, в котором не

проявились факторы, способствующие постпозиции *se, обязательно существующие в каждой системе. Двадцатилетняя разница в возрасте информантов здесь не может играть существенной роли: ср. ситуацию в говоре с. Синевир того же района, где коэффициент препозиции *se у информантов 1924 и 1940 г. р. составляет соответственно 88,6% (194/219) и 83,6% (560/670) [МКЭ]. Дело просто в том, что синевирский говор в отличие от торуньского представлен достаточным объемом материала, и к тому же первая торуньская информантка очевидно отличается индивидуальными речевыми предпочтениями.

2.3. Ориентация на литературную норму или, напротив, “отталкивание” от нее не обязательно является свойством, имманентно присущим идиолекту конкретного информанта. В статье А.В. Тер-Аванесовой и А.И. Рыко о языковой ситуации в русских говорах Заонежья было показано, что смена языкового кода в разных ситуациях общения характерна для большей части носителей диалектов. При этом специально отмечается, что “аналогом ситуации официального общения для многих пожилых людей стала ситуация общения с лицами младшего поколения (обычно с внуками 12–30 лет). Присутствие диалектолога также создает ситуацию, в которой говорящие стараются использовать «культурный язык»” [6, 234]. Кроме того, имеет значение обсуждаемая предметная область: “Степень насыщенности речи диалектными формами может быть связана с темой разговора. Например, у информантки из Косельги диалектных форм было меньше, пока речь шла о волнующих ее проблемах физического и душевного здоровья, судьбах ее детей и внуков, и больше в рассказе об одном случае из давнего прошлого: пропаже ягненка, которого два дня «водило» вокруг дерева” [там же]. В публикациях диалектных текстов ситуация общения, как правило, остается постоянной (информант – собиратель)⁷, однако мы имеем возможность

⁷ Исключение составляют редчайшие и ценнейшие записи диалогов диалектоносителей или речи информанта, обращенной к односельчанину (см., например, [БГ, 315–316, 349], где отражена локальная связка 2 ед. и мн. перфекта *сти*). Исследователям же приходится иметь дело главным образом с нарративами, что, вообще говоря, имеет далеко идущие последствия для описания разных языковых уровней, прежде всего грамматики и синтаксиса; нарративы, особенно тексты о прошлой жизни и обычаях, представляют совершенно иную статистику употребления грамматических категорий, глагольных времен и т. д. по сравнению с ситуациями по-

проследить статистику диалектизмов в текстах на разные темы. Применительно к вопросу о препозиции *sę примером могут служить тексты из надднестрянского говора с. Потелич Жовковского р-на Львовской обл. [ГПЗН-2005, 43–52]: информантка (1939 г. р., образование 7 кл.) в рассказе об относительно недавнем строительстве каплички употребляет препозитивное *sę лишь один раз из 11 (т. е. коэффициент препозиции *sę составляет менее 10%), а в рассказах о прежних обычаях и обрядах (обжинках, праздновании Рождества, Троицы, девичьих гаданиях в Андреев день, свадебном обряде) – 9 раз из 18, т. е. в половине случаев. Мы наблюдаем, таким образом, более чем пятикратную разницу в показателях, обусловленную тематикой текста. В текстах из Гнездичева Жидачевского р-на Львовской обл. [ГПЗН-2005, 90–100] информантка 1937 г. р. в рассказе о “бандеровцах” ни разу не употребила *sę в препозиции (17 релевантных примеров), в то время как в тексте информантки 1934 г. р. о свадебном обряде коэффициент препозиции *sę составляет 37,5% (15 примеров из 40).

3. Возвратное *sę – наиболее частотная клитика, и она оказывается единственной, для которой можно получить хотя бы некоторую статистику по отдельным говорам на материале сборников диалектных текстов. При этом оказывается, что диалектные различия показывает не только статистика препозиции *sę, но и статистика его неавтоматической контактной препозиции, т. е. употребления препозитивного sę контактно к глаголу во фразах, где оно имеет возможность стоять левее (см. [8, 487]). А.А. Зализняк показал, что одна из линий распада древней системы энклитик – это “постепенное выведение начальной части фразы из сферы действия закона Вакернагеля с помощью ритмико-синтаксических барьеров, в силу чего энклитики уходят вправо от начальной тактовой группы <...> Так, механизм превращения древней фразы типа *ṽ мене са ему поклони* в современную *от меня ему поклонись* в сущности сводится к максимальному использованию всех допустимых факультативных барьеров: *ṽ мене са ему поклони* → *ṽ мене // ему са поклони* → *ṽ мене ему // поклони са*” [3, 266]. Таким образом, регулярная неавтоматическая контактная препози-

---

вседневного общения (самый очевидный пример – редкость в нарративах грамматических форм 2-го лица, частотнейших в диалоговом общении).

ция *sę к глаголу должна показывать некоторую стадию разрушения древней системы энклитик (а ее коэффициент – быть обратно пропорционален коэффициенту препозиции *sę). Это подтверждается в системе закарпатского синевирского говора, для которого подсчеты статистически надежны, ср. процент препозиции *sę у двух информанток с 16-летней разницей в возрасте (после тире – процент неавтоматической контактной препозиции):

1924 г. р.	88,6% (194/219) – 22,9% (19/83)
1940 г. р.	83,6% (560/670) – 24,9% (64/257)

Однако поскольку релевантных контекстов для подсчета доли неавтоматической контактной препозиции *sę, естественно, оказывается в несколько раз меньше, чем контекстов для подсчета доли общей препозиции, статистически надежные данные для отдельного диалекта практически не удается получить из сборников диалектных текстов.

4. Ниже в таблице приводятся статистические данные по препозиции возвратного *sę в некоторых карпатоукраинских говорах на территории Украины по материалам сборников диалектных текстов [ГПЗН-2000; ГПЗН-2005; БГ] и дополнительных источников (для закарпатских говоров)⁸.

Даже при заметном статистическом разбросе и невысокой статистической надежности из таблицы видно, что наибольший процент препозиции *sę показывают закарпатские и бойковские говоры, наименьший – покутско-буковинские и южноволынские, а в подольских говорах препозиции не отмечено вообще. Что касается неавтоматической контактной препозиции *sę, то в большинстве говоров слишком мало примеров для надежных выводов. Однако при этом показательными оказываются данные буковинских говоров, в которых дистантная препозиция *sę практически не отмечается (среди более чем 120 релевантных примеров препозитивного *sę, которые отыскиваются в хрестоматии [БГ], дистантных *sę насчитывается

⁸ Из сборника [БГ] взяты только образцы говоров “чистых” типов. Для каждого говора подсчитано общее число примеров всех информантов за исключением “маргинальных” (см. п. 2.2). Ввиду тематического принципа расположения материала в [БГ], отчего тексты из одного говора оказываются разбросанными по книге, страницы для этого источника не указываются. Диалектная принадлежность говоров приводится по соответствующему изданию.

только пять, т. е. неавтоматическая контактная препозиция составляет 96%). Регулярная контактность *sę к управляющему глаголу, с одной стороны, говорит о разрушении вакернагелевской системы клитик; с другой стороны, эта черта находит славянские параллели – запрет на дистантную позицию клитик к глаголу характерен для болгарско-македонской языковой области [12, 234–241; 11, 306].

	препозиция *sę	неавт. контакт. препозиция	Источник
<i>Бойковские</i>			
Волосянка Сколів. Львів.	68% (133/196)	48% (31/64)	[ГПЗН-2000, 11–35; ГПЗН-2005, 113–144]
Стара Ропа Старосамбор. Львів.	84% (32/38)	25% (3/12)	
<i>Закарпатские</i>			
Сокириця Хуст. Закарпат.	74% (197/267)	45% (30/67)	[Сабадош, 430–476]
Синевир Міжгір. Закарпат.	85% (754/889)	24,5% (83/340)	[МКЭ]
<i>Надсянские</i>			
Плешевичи Мостиськ. Львів.	34% (22/65)	72% (8/13)	[ГПЗН-2005, 12–22]
Чернилява Яворів. Львів.	32% (11/34)	3/6	[ГПЗН-2005, 24–32]
Вижомля Яворів. Львів.	50% (17/34)	0/7	[ГПЗН-2000, 46–57]
<i>Надднестрянские</i>			
Гніздичів Жовків. Львів.	35% (16/46)	60% (6/10)	[ГПЗН-2005, 90–100]
Потелич Жовків. Львів.	34% (10/29)	1/6	[ГПЗН-2005: 43–52]
Лисятичі Стрийськ. Львів.	17% (4/24)	3/3	[ГПЗН-2005: 70–78]
Солуків Долин. Ів.-Фр.	44% (11/25)	2/2	[ГПЗН-2005: 161–168]
Нижній Стругин Рожнятів. Ів.-Фр.	56% (10/18)	2/4	[ГПЗН-2000: 36–37]
<i>Гуцульские</i>			
Киселиці Путильськ. Черн.	53% (10/19)	3/3	[БГ]
Все остальные гуцульские из [БГ]	20% (5/25)	1/1	[БГ]
<i>Покутско-буковинские</i>			
Кам'янка Глибоцьк. Черн.	41% (12/29)	8/8	[БГ]
Луковиця Глибоцьк. Черн.	10% (1/10)	1/1	[БГ]
Маморниця Глибоцьк. Черн.	18% (2/11)	2/2	[БГ]
Бобівці Сторожинецьк. Черн.	12% (2/17)	–	[БГ]
Михальча Сторожинецьк. Черн.	0% (0/18)	–	[БГ]
<i>Волынско-подольские</i>			
Бутини Сокальськ. Львів.	10% (1/10)	–	[ГПЗН-2000: 127–129]
<i>Подольские</i>			
все вместе из [БГ]	0% (0/17)	–	[БГ]

5. Другие структурные характеристики диалектных систем клитик на материале опубликованных диалектных текстов в основном не поддаются системному сопоставлению, а лишь единично фиксируются в отдельных говорах. Упомянем кратко некоторые из них.

5.1. Отмечаются отдельные формы местоименных и глагольных клитик⁹, в том числе восточные гуцульско-буковинские формы связок 1 мн. *сми*, 2 ед. и мн. *сти* [БГ, 121, 314–316, 335, 349]; возможно, клитикой является форма вспомогательного глагола будущего времени *ме* в примере *ни 'можна ко'ли 'місіц' на с'ході / бо 'гіт'ко ме си во'диту ї 'хакі* (гуцульск., Киселиці Путильськ. Чернівецьк. [БГ, 116]). Ранговая организация клитик, т. е. их порядок между собой, обычно неизвестна, так как фразы с несколькими клитиками встречаются редко (особенно в [БГ]), и наблюдения о диалектных различиях сделать трудно. Исключения составляют сочетания с клитикой сослагательного наклонения *бу, которая в нормальном случае в славянских языках, в том числе в карпатоукраинских говорах, предшествует связкам и местоименным клитикам: в покутско-буковинских говорах наряду с “нормальным” порядком отмечен порядок *се + *бу (*ко'лоласи би ї ті п'рутики* – Лашківка Кіцманськ.; *то ўна ни ї'миласи би ні ї хо'лодні ні ї го'р'ечі во'ті* – Старий Вовчинець Глибоцьк. [БГ, 29, 315]; в обоих говорах при этом есть примеры препозиции *се); также в сочетании со связкой перфекта: *бо ни ли'ш'еласи би ро'боту* (Кам'янка Глибоцьк. [БГ, 316]). Это может быть свидетельством такой стадии “срачивания” *се с глаголом, когда оно уже не может быть ничем отделено и превращается в “мобильный аффикс” (ср. выше п. 3); в сочетании со связкой, видимо, отражается изменение ранга *бу (поскольку конструкции перфекта со связкой редки, судить об этом трудно).

5.2. Примеры “удвоения” возвратного *се в буковинских говорах на материале [БГ] были отмечены П.Е. Гриценко [2, 24]; к ним можно добавить: *їак са 'кончиса ро'бота* (Бернове

⁹ По сравнению с нарративами, гораздо больше клитик встречается в фольклорных текстах – песнях, коломыйках, приговорах и т. п. (что связано в том числе с частой “диалогичностью” этих текстов). Однако фольклорные тексты нельзя считать принадлежащими синхронной системе говора; законы функционирования клитик в поэтических текстах не исследованы; кроме того, эти тексты могут быть легко заимствованы.

Кельменецк.), *ко'ли ми'ні са с'поўнилося сім гот* (Бабин Кельменецк.) [БГ, 93, 295]; в следующих примерах нет уверенности, что препозитивное *си* не является клитикой дат. п.: *а ку'ди це ти так си 'віминдриласи 'цего 'вечіра?* (Карапчів Вижницк.); *рос'казуйут шо ми си с та'ким і та'ким пос'ваталаси* (Брідок Заставнівськ.) [БГ, 325, 217], – тем более что в последнем примере спорное *си* далеко отстоит от глагола, что, как мы видели, в этих говорах почти не встречается. Характерно, что случаи “двойного *sę” фиксируются именно в буковинских говорах, где по ряду других параметров можно говорить о продвинутой стадии разрушения древней системы энклитик: ср. мнение А.А. Зализняка о том, что “в живой речи двойное *сѧ* представляло собой результат конкуренции старого и нового правил расстановки энклитик, из которых первое требует препозиции, а второе – постпозиции *сѧ*” [3, 191].

5.3. В западной части карпатоукраинской территории встречаются внешне противоположные примеры с одним *sę на два глагола, например: *сне"ре"ч'ейуц"с"і / сне"ре"ч'ейут / 'але 'потім 'каже"* (надсянск., Плешевичи Мостиськ. Львів. [ГПЗН-2005, 18]); *шос" с"і ўд'аг'нути чи ў'зуті; то тре 'було с"і нас"н'і вати / на'сид'іти* (надднестрянск., Потелич Жовків. Львів. [ГПЗН-2005, 48, 52]). Как показал А.А. Зализняк, с исторической точки зрения это явление – “не что иное, как реликт древнейшего самостоятельного *сѧ* ‘себя’, которое еще могло заполнять сразу две валентности во фразе” [3, 191].

5.4. В буковинских говорах sporadически встречается *sę в начале клаузы (предикативной группы), причем в с. Топоровцы Новоселицк. Черновицк. это явление регулярно (6 примеров из общего числа 11 в [БГ]), напр.: *кла'ду ў піч // са 'дй'л'у йа'ка го'дина* [БГ, 172]; *а так / на 'носин'а то ни віши'вали та'кі прос'ті сороч'ки // са 'мучили // са 'мучили 'дужи // са 'мучили* [БГ, 53]. Это же явление отмечается и на западе карпатоукраинской территории, например: *а пасту'х'и йак 'насли ку'рови // с"і 'бавили по" р'ізно'му* (надсянск., Вижомля Яворів. Львів. [ГПЗН-2000, 55]); *пун'робуї ту'ди 'виже"ни / с"і не ў'стутит* (надднестрянск., Потелич Яворів. Львів. [ГПЗН-2005, 52]). Видимо, шире распространено употребление клитик после первообразных сочинительных союзов (*і, та(й), бо*): *дй'ки <...> 'мали 'кинути га'лунку ў 'воду і си ў'мити* (Чорний Потік

Заставнів. Чернівецьк. [БГ, 177]), *пос'н'і'вали м'ногайа 'л'іта і с'і поросхо'дили* (Гніздичів Жовків. Львів. [ГПЗН-2005, 100]), *у'ни по'ви'лазили на че'реш'н'у / та'ї с'і 'хапайут* (Солуків Долин. Ів.-Фр. [ГПЗН-2005, 168]), *бо си на'туди'ї* (Лужани Кіцманськ. Чернівецьк. [БГ, 339]), в том числе и в закарпатском говоре: *та'ї с'а пере'йзоб'вали нб'в'і жебо'лб'у'кы* (Сокирница Хустськ. [Сабадош, 440]).

5.5. В нескольких говорах на западе карпатоукраинской территории отмечены примеры трехчленной конструкции в перфекте (см. п. 2.1.2), например, надднестрянск. *і ми ў'з'ели_смо со'л'ари* (Ясниська Яворів. Львів. [ГПЗН-2000, 61]), *ми ўже то'ди но'сили_смо до' них мо'ло'ко* (Крупське Миколаїв. Львів. [ГПЗН-2000, 64]); бойковск. *йа їшов'ім дес'' до' 'чер'кви* (Розлуч Турків. Львів. [ГПЗН-2005, 152]).

6. Карпатоукраинские клитики представляют одно из тех звеньев языковой системы, где в историческом плане происходит переход от старого состояния к новому; статистические различия показывают место конкретного диалекта на этом пути. Смежную проблему являет собой употребление конкурирующих конструкций 1 и 2 лица перфекта в карпатоукраинских говорах, где статистика также показывает диалектные различия и место конкретной диалектной системы на шкале перехода от старых конструкций со связками к новым – с личными местоимениями (ср. п. 2.1.2). На русском диалектном материале того же рода проблему представляет, например, статистическое распределение окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. женского склонения, важное для понимания истории системы склонения во многих диалектных ареалах (см. [1]).

Очевидно, что исчерпывающий анализ современного диалектного ландшафта с точки зрения систем клитик (как и многих других языковых параметров) возможен только на материале значительного корпуса текстов для каждого говора. К этому недостижимому идеалу можно попытаться приблизиться только максимально полной публикацией записей диалектных текстов, препятствием к чему помимо прочего является трудоемкость расшифровки и подготовки диалектных записей к печати. Временным компромиссом могли бы стать предварительные публикации текстов в аудиоформате, что позволяют современные возможности Интернета.

1. *Абраменко О.А., Николаев С.Л., Тер-Аванесова А.В., Толстая М.Н.* Системы соотношения gen. и dat.-loc. *a*-основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. М. 2013.
  2. *Гриценко П.Е.* Феномен диалектного явления: онтология и гносеология // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. М. 2015.
  3. *Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М. 2008.
  4. *Николаев С.Л.* Балкано-карпатские изоглоссы как реликт поздне-праславянского лингвистического ландшафта // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой. М. 2008.
  5. *Свешиникова Т.Н.* Ранговая грамматика румынских клитик // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М. 1977.
  6. *Тер-Аванесова А.В., Рыко А.И.* Говорить по-культурному и лязгать по-заонежски (о языковых разновидностях в Заонежье) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 9. М. 2004.
  7. *Толстая М.Н.* Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура: 2009–2011. Вып. 2. М. 2012.
  8. *Толстая М.Н.* Синтаксис возвратного *sę в говоре гуцульско-го села Головы начала XX века // Діалекти в синхронії та діакронії: загальнослов'янський контекст. К. 2014.
  9. *Толстая М.Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999. Вып. 14. М. 2000.
  10. *Толстая М.Н.* Энклитизация личных местоимений в украинских закарпатских говорах // Slavica Svetlanica: Язык и картина мира: К юбилею Светланы Михайловны Толстой. М. 2013.
  11. *Циммерлинг А.В.* Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М. 2013.
  12. *Franks S., King T.H.* A Handbook of Slavic Clitics. New York. 2000.
- АУМ 2 *Атлас української мови: в 3 т. Т. 2.* Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. К. 1988.
- БГ *Буковинські говірки. Хрестоматія діалектних текстів / Уклад. Н.О. Руснак, Н.В. Гуїванюк, В.С. Бузинська.* Чернівці. 2006.
- ГПЗН-2000 *Говірки південно-західного наріччя української мови / Упоряд. Н.М. Глібчук.* Львів. 2000.
- ГПЗН-2005 *Українські говірки південно-західного наріччя. Тексти / Упоряд. Н.М. Глібчук.* Львів. 2005.
- МКЭ *Материалы Карпатских экспедиций Института славяноведения РАН.*
- РП *Лешка О., Шшикова Р., Мушинка М.* Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки східної Словаччини. New York; Praha; К. 1998.
- Сабадош *Сабадош І.В.* Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород. 2008.

Торунь	<i>Николаев С.Л., Толстая М.Н.</i> Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М. 2001.
УГР	<i>Павлюк М., Робчук І.</i> Українські говірки Румунії. Діалектні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто. 2003.
УЗГТ	<i>Українські закарпатські говірки. Тексти / Упоряд. О.Ф. Мигольниць, О.Д. Пискач.</i> Ужгород. 2004.
ШекДИ	<i>Шекерик-Доників П.</i> Дідо Іванчик. Верховина. 2007.
ШухГТ	<i>Шухевич В.</i> Гуцульщина. Ч. 5. Львів. 1908 (записи из с. Головы).

DIALECT TEXTS AS A SOURCE OF INFORMATION ON CARPATHIAN UKRAINIAN CLITICS

The article deals with the representation of systems of clitics in publications of texts of modern Carpathian Ukrainian dialects. Different dialects show various grades of development of the ancient system of clitics. This is reflected in the frequency of occurrence of clitic constructions. Dialectal texts let us explore frequency of occurrence of the separable particle *se, that is the most frequent clitic, and to notice certain traits of clitics in different dialects. Results of statistical treatment of clitics in several Carpathian Ukrainian dialects are represented. A conclusion is drawn that some relevant analysis of modern Carpathian Ukrainian systems of clitics may be only possible on basis of a sizeable body of texts in each dialect.